

КУЛЬТУРА
И
ИСКУССТВО
народов
Средней
Азии
в древности
и средне-
вековье

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

КУЛЬТУРА
И
ИСКУССТВО
народов
Средней
Азии
в древности
и средне-
вековье

Под редакцией

Б. Г. Гафурова и *Б. А. Литвинского*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СТЕНЫ САМАРКАНДА

Оборонительные стены были важным моментом в жизни древнего и средневекового общества, — недаром на их возведение затрачивалось так много усилий, отвлекалось от производительного труда так много людей. В Средней Азии стены окружали не только города, но и целые оазисы, вместе с центром-городом, который получал свою собственную стену. Охваченное стенами пространство как самого города, так и его округа составляло некое единство, противопоставлявшееся всему, что было за пределами данной стены.

Задачей моего исследования является рассмотрение вопроса о стенах одного из самых важных, значительных городов Средней Азии — Самарканда. Несмотря на то что его оборонительные сооружения не раз упоминались в работах историков и археологов, они остаются недостаточно изученными. Значительно лучше изучен Самарканд древности и ранних этапов феодализма, занимавший территорию Афросиаба. Археологи обнаружили здесь несколько рядов стен, исследовали их, стремясь наметить по ним этапы истории древнего Самарканда. Хотя здесь были выполнены специальные исследования и раскопки, к полному единомыслию в этом вопросе пока еще не пришли [8, с. 6—8; 17, с. 10; 6, с. 220, 222]. Если же обратиться к Самарканду послемонгольской эпохи, когда после разрушения его Чингизханом старая территория постепенно запустела и город передвинулся на новое место — к югу, то его оборонительные сооружения остаются почти неисследованными. Некоторые шаги были предприняты только М. Е. Массоном, однако раскопок не производилось и материалы обследования не были опубликованы [15, с. 165].

И в литературе, и в источниках не всегда можно четко различить, имеется ли в виду собственно город или речь идет о более широкой территории. В письменных источниках и в основанных на них исследованиях мы встречаем расширительное понимание термина «город». В документе XVI в. «старой стеной

Самарканда (رضی قدیم شهر سمرقند) названа стена, проходившая по границе оазиса [27, с. 59]. Вследствие этого город приобретает совершенно фантастические для того времени размеры. Неясность в вопросе о размерах и существовании города, об образе жизни городского населения отражается в исследованиях. Несмотря на активное стремление их авторов внести в него полную ясность [2, с. 138; 6, с. 228; 15, с. 157], ясности все же нет. Сведения источников прошлых веков слишком отрывочны и неполны, археологические данные отражают лишь вещественные следы былой жизни и какую-либо одну ее сторону, и воссоздать по ним всю ее картину трудно, если не невозможно. К этим данным полезно присоединить этнографические сведения, которые, освещая самый последний этап феодальной истории Средней Азии, в силу глубокой традиционности этого уклада и народных обычаев и представлений могут способствовать более правильному и глубокому пониманию и ранних этапов этой формации.

Когда территория, на которой сформировался и достиг расцвета феодальный Самарканд, была занята городской застройкой, пока точно неизвестно. В трудах историков мы находим разные суждения. По мнению В. В. Бартольда, уже к XII в. эта территория была занята городом, и в XII в. Самарканд «почти соответствовал нынешнему городу» (имеется в виду город начала XX в.) [2, с. 137]. Однако остается неясным, и, возможно, было неясно для самого В. В. Бартольда, идет ли речь о собственно городе или имеется в виду его сельская округа. Большинство авторов город, с которым европейцы близко познакомились в XIX в., называют «тимуровским», на составленных ими планах он датируется XIV—XIX вв. [6, с. 225] или, в тех же границах, второй половиной XV в. [14, прил.].

Феодальный Самарканд окружала, как это было свойственно феодальным городам, крепостная стена, сохранившаяся до конца XIX в. и к началу XX в. переставшая существовать.

Но время возведения этой стены остается спорным.

В. Л. Вяткин считал, что, «когда амир Тимур был провозглашен правителем Мавераннахра... будущая столица его не имела стен и защищалась при помощи баррикад, устраиваемых в улицах при входе в город» [10, с. 223, примеч. 14]. Того же мнения придерживался и А. М. Беленицкий: «Самарканд эпохи монгольского владычества оставался без крепостных стен» [5, с. 175]. По предположению М. Е. Массона, наоборот, стена была возведена еще в дотимуrowsкое время, Тимур же только восстановил ее [12, с. 164]. Однако «Самария», источник поздний, при создании которого были использованы и более ранние, прямо приписывает это строительство «Тимуру Гурагану» и указывает, что это четвертая стена Самарканда (считая и город на Афросиабе [10, с. 160]). Тимура признает строителем последних стен и народное предание. На этом источнике основывается, видимо, мнение Н. Ханькова, что «при Тимуре город имел тот же объем, что и теперь» [23, с. 100]. От одного из информаторов, очень пожилого, грамотного и начитанного по старым книгам на арабской графике жителя селения Ходжа Абди-дарун, мной записано интереснейшее предание. Как слышал информатор, крепостную стену Самарканда (*кальа*) построил Тимур. В то время на Афросиабе еще жили люди, их увел оттуда только Улугбек, сказавши: «Что вам делать на этом сухом месте?»

Не вызывает сомнений, что Тимур, превратив Самарканд в свою столицу, должен был проявлять заботу и о ее стене, которая в феодальном обществе имела значение не только для обороны и безопасности города, но и была важным эстетическим и престижным моментом. Самарканд, конечно, не мог во времена Тимура обходиться без достаточно хороших, импозантных стен и ворот.

Этапом истории города, когда эта стена могла претерпеть изменения, был XVIII в.; в это время город заустевал, и в 1740 г. был занят правителем Ирана Надиршахом. Однако можно думать, что при этом стена не подверглась разрушению: по очень достоверному народному преданию, город заустел еще до прихода Надиршаха в результате эпидемии [21, с. 135—136]. Если это так, то Надиршах должен был войти в город без штурма и обойтись без разрушения городских укреплений. Об этом не сообщают и письменные источники. Если во время разрухи, длившейся несколько десятилетий и преодоленной лишь к концу XVIII в., стена и могла пострадать, то скорее из-за того, что длительное время не поддерживалась.

Когда Шахмурад принял энергичные меры

к восстановлению города, он, конечно, должен был обратить свое внимание и на городскую стену: время было беспокойное, и горожане вряд ли могли чувствовать себя в безопасности, если город не был защищен стенами. Это предположение подкрепляет новый, недавно введенный в научный оборот источник — сочинение Хумули, современника Шахмурада, который сообщает, что Шахмурадом были заново построены трое ворот: Хазрати Шох, Пойкабок и Каладархона, четвертые же, Сузангаранские были отремонтированы [18, с. 72]. О ремонте стены в публикации не упоминается — видимо, об этом не говорит и источник.

То, что восстановления потребовали все ворота северной и восточной части города, вполне понятно: проведенное ранее исследование, основанное на этнографических данных, сопоставляемых с письменными источниками, показало, что в XVIII в. заустевала именно эта часть города, а не вся его территория [21, с. 132—140, план города с указанием заустевавшей части на с. 203]. Совпадение этнографических данных с теми, которые приведены в сочинении Хумули, еще раз подтвердило надежность опрoс-ных сведений, собранных должным образом.

Дальнейшее развитие городской жизни не вызвало строительства новых стен, как это было в Бухаре в XVI в. В Самарканде рост города выражался лишь в уплотнении жилой застройки, все большем использовании территории под элементы чисто городской топографии. По народным преданиям, после восстановления города в XVIII в. некоторое время часть его территории была свободна, ее занимали пустыри и болота или она использовалась под посевы. К началу XX в. такие участки в Самарканде полностью исчезли.

Стены Самарканда не раз изображались на миниатюрах [18, табл. 335]. Хотя изображения сделаны в условной манере, по ним можно судить об общем характере стен и их оформлении, и нужно сказать, что, судя по миниатюрам, они принципиально не отличались от стен Бухары, возведенных в XVI в. и сохранившихся еще в советское время. Н. Ханьков засвидетельствовал, что «стена Самарканда во многом похожа на стену Бухары: та же высота и толщина, те же бойницы и полукруглые выступы, называемые бурджами» [24, с. 100]. По сообщениям русских офицеров, участвовавших во взятии Самарканда в 1868 г., стена достигала в высоту четырех сажен, толщина же была в две сажени [7, с. 34].

Впечатление Н. Ханькова от самаркандской стены было благоприятное, он пишет, что она «в хорошем состоянии»; однако упомянутые офицеры, вошедшие с войсками в добровольно открывший свои ворота город, нашли

ее «полуразвалившейся от времени», с «почти совершенно готовыми брешами», сообщив в то же время, что «сдача Самарканда без боя ставила его жителей в неприкосновенное положение» [26, с. 38, 39; 7, с. 33]. Последовавшие события, при которых возникли военные действия, происходили в районе цитадели. Если при этом городская стена и могла быть попорчена, то лишь на очень небольшом ее отрезке. Различные оценки ее состояния могут объясняться как различными точками зрения штатского человека и военных, так и тем, что между этими двумя наблюдателями прошло 25 лет: если стена за это время не ремонтировалась, она могла обветшать. Но ее быстрое исчезновение уже к началу XX в. — стены нет на плане, снятом в 1903 г. [12, с. 165], — может быть принято за доказательство того, что и в середине XIX в. она была в плохом состоянии, видимо просуществовав долгое время.

Для Самарканда мы не имеем таких хороших и доступных картографических материалов, как для Бухары. Опубликован только план 1841 г., снятый Яковлевым, — глазомерный и по условиям, в которых он выполнялся, очень схематичный и неточный [БАН, рукописный отдел, дополнительная опись, № 278] (рис. 33).

Спустя сто лет, в 1941 г., был составлен, а потом и опубликован М. Е. Массоном план города второй половины XV в., к сожалению, без аннотаций и ссылки на источники. Нарисованная им линия городской стены повторяет линию стены XIX в. Картографическая основа этого плана была использована О. Г. Большаковым [14, прил.; 6, с. 221]. Можно думать, что в качестве оригинала М. Е. Массону послужил тот старый план, который в виде негативов хранится в архиве Комитета по охране памятников старины (Ташкент). Эти негативы были выполнены в 1937 г. самаркандским фотографом Поляковым, сфотографировавшим какой-то очень старый план, сделанный в большом масштабе (видимо, он был на шести листах). Негативы очень плохого качества, что, очевидно, объясняется ветхостью плана. План, вероятно, был снят вскоре после присоединения Средней Азии к России, об этом свидетельствует отсутствие на нем «русского города», на месте которого показаны сады и земли, и наличие городской стены, к началу XX в. уже исчезнувшей.

Б. А. Литвинский сообщил также известные ему сведения о «Плане города Самарканда по съемке 1897—1899 гг.». Этот план размером 61×88 см был вычерчен чертежником И. Введенским под редакцией старшего землемера И. Азеева и издан самаркандским статистическим комитетом в Самарканде в 1901 г. К сожалению, я не смогла разыскать этот план.

Стены Самарканда имели шесть ворот. Их

перечисляют, нарушая порядок, Н. Ханыков [23, с. 100] и В. Л. Вяткин, приводящий названия только средневековые [9, с. 17—18]. В XIX в. эти ворота по большей части носили названия по тому месту, к которому вела проходившая через них дорога (рис. 47).

Через юго-западные ворота, самые главные по своему значению, шла дорога на Бухару. И в средние века, и в XIX в. они назывались Бухарскими. В Бухаре X—XII вв. имелись, в свою очередь, Самаркандские ворота, через них в город входили прибывавшие из Самарканда. Бухарские ворота были не только в средневековом, но и в древнем Самарканде, когда он размещался еще на Афросиабе. Это свидетельствует о том, как рано связи между этими городами сделались регулярными.

Когда Самарканд переместился на новое место и был окружен стенами, то ворота, от которых начиналась дорога на Бухару, унаследовали от ворот древнего города и название и функцию. Эта преемственность не вызывает никакого сомнения. Но удивительно то, что Бухарские ворота древнего Самарканда историки и археологи помещают в северной стене, так что из них должны были выходить в направлении, прямо противоположном Бухаре. М. Е. Массон объясняет это противоречие тем, что название ворот было якобы связано не с городом Бухара, а с «собранием наук», которое обозначалось тем же по звучанию термином и «располагалось где-либо поблизости» [15, с. 161]. Это объяснение малоубедительно. Вероятно, можно подвергнуть сомнению и объяснение названия ворот Наубехар, имевшихся и в Бухаре и в Самарканде, тем, что за ними находился «новый буддийский монастырь» [2, с. 153, примеч. 9]. Этот перевод был предложен вслед за Томашеком В. В. Бартольдом и с тех пор неизменно повторялся историками. Но слово *наубахор* хорошо истолковывается и из таджикского языка, в котором оно имеет смысл «весна» и переносный — «молодость», «молодой». Так употреблено оно, например, как эпитет жениха в опубликованных Е. М. Пещеревой ягнобских свадебных песнях. Не случайно, видимо, ворота Наубехар в обоих городах вели к местам, связанным с весенними праздниками.

Из изложенного следует, что общепринятая локализация Бухарских ворот древнего Самарканда может быть ошибочна: и в древнем, как и в средневековом Самарканде, Бухарские ворота должны были открываться на одну и ту же дорогу — там, где обычно помещают Кешские ворота [2, с. 136; 6, с. 221; 15, с. 161]. В посвященной Самарканду научной литературе уже отмечалось, что «исследователи не всегда одинаково размещают ворота на карте городища Афросиаб» [25, с. 99], а это говорит о том,

что письменные источники, сообщая название ворот, не дают оснований с полной надежностью отождествить их с реальными воротами на реальной территории, где их обнаруживают археологи. Что порядок ворот, названных в письменных источниках, не всегда соответствует действительному порядку и что поэтому в сопоставления могут вкратиться ошибки, автором уже отмечалось в отношении Бухары [22, с. 35—36]. Точная фиксация местоположения Бухарских ворот Самарканда XIV в., существовавших до конца XIX в., может способствовать и более правильной локализации Бухарских ворот древнего Самарканда. Когда средневековая стена была построена, ее северо-восточные ворота оказались как раз напротив южных ворот древнего Самарканда. От последних дорога шла через северо-восточные ворота города средневекового, проходила через весь город, по его торговым магистралям, и выводила на юго-запад, к Бухарским воротам, на бухарскую дорогу. Выйдя же из северных ворот древнего Самарканда, на эту дорогу можно было бы попасть только окольным путем.

Вернемся к воротам «тимуровского» Самарканда. Его северо-восточные ворота в XIX в. назывались Воротами Шаха — Дарвозайи Шох, получив свое имя по самому популярному самаркандскому *мазару* Шахи-Зинда, к которому надо было идти через них (рис. 41). В средние века эти ворота носили название Оханий («Железные») и, по В. В. Бартольду, имели второе название — ворота Мешхед [4, с. 191]. Это название, имеющее значение «место мученической смерти», объясняется характером связанного с *мазаром* Шахи-Зинда древнего доисламского культа, генетически восходящего к широко распространенным на Востоке культам «умирающих и воскресающих богов», который мусульманская традиция возвела к почитанию могилы двоюродного брата Мухаммада — Куссама бин Аббаса [2, с. 142—143; 19, с. 33—34].

Вторые ворота в северной стене города помещались в западной части этой стены (рис. 42). В средние века они назывались воротами Шейхазаде, а в XIX в. носили название Пойи кабок. По предположению М. М. Абрамова, это новое название они получили (как и еще трое ворот: Ходжа-Ахрор, Каландархона и Хазрати Шахи-Зинда) в XIX в. [1, с. 183]. Видимо, эту дату можно передвинуть на конец XVIII в., когда началось возрождение города после разрухи, сопровождавшееся появлением множества новых топонимов. Правильность этой датировки подтвердило приведенное выше сообщение Хумули.

Название Пойи кабок определилось нахождением за этими воротами одноименного *мазара*, лежавшего примерно в полукилометре

к северо-востоку. В 1970 г., когда я осматривала это место, *мазар* был уже разрушен при проведении дороги. На невысоком пологом холме лежало несколько резных мраморных надгробий. Расспросы старожилов прилегавших к воротам кварталов не дали надежных сведений о характере культа. На плане М. Е. Массона в этом месте показано кладбище, на котором, видимо, возник этот *мазар*. Через ворота Пойи кабок дорога вела в большое торговое селение Дагбид, известное тем, что там обосновались потомки Махдumi Азама, суфийского шейха, происходившего из ферганского селения Касан, переселившегося сюда, здесь умершего и похороненного в 1542 г. [3, с. 276].

В восточной стене имелись одни ворота — Каландарханинские (в средние века — ворота Фируза). Свое новое название они получили по находящейся неподалеку за этими воротами обители дервишей-каландаров, где были их жилища, родовое кладбище потомков основателя *каландарханы*, мечеть, и при ней несколько келий, в которых жили те, кто «удалился от мира» (*гарки дуньё кардаги*). На этом месте *каландархана* появилась не раньше конца XVII—начала XVIII в.: ее основатель Ходжа Сафо, выходец из Мекки, умер в 1738-39 г. [10, с. 205]. Я записала, со слов потомков Ходжа Сафо, живущих около этой *каландарханы*, следующее предание: Ходжа Сафо прибыл в Самарканд из Аравии (Арабистон), он был там царем, но потом отказался от мира, пришел сюда и здесь основал свою *каландархану*. Она разместилась на территории отмеченного в источниках сада Фируза [15а, с. 23], который занимал 400 *танапов*; из них *каландарам* было пожаловано 96 *танапов* в *танхо* (*танхо карда додаги*). Вокруг Ходжа Сафо стали собираться разные люди — узбеки, туркмены, казахи, — всех, кто нищенствовал в то время на дорогах, собирали и поселяли здесь.

В южной стене имелось двое ворот. Юго-восточные ворота Сузангарон получили свое название от рядов игольчиков, расположенных: когда-то в этой части города или, вернее, в его центре, от которого шла улица к этим воротам. Это название ворота носили уже в XV в. [14, прил.]. Дорога, пролежавшая через ворота Сузангарон, вела в южные пригороды и доходила до Даргомской степи. Из этих ворот можно было также выйти к дороге, по которой шло движение в сторону Пенджикента. Неподалеку от этих ворот, несколько восточнее, в город входил главный орошающий его канал — Шовдор, выведенный из древнего большого канала Даргом [12, с. 284—285].

Юго-западные ворота — Ходжа Ахрор — в средние века назывались Каризгох, потому

что около них в город входил второй канал, известный под названием Новадон, так он назван и в «Самарии» [10, с. 166]. Однако в XX в. это название относилось местным населением скорее к нижней части канала, начиная с того места, где он пересекает торговую улицу, которая вела к Бухарским воротам, ниже по течению, за мостом Пули Сафед. При вхождении же канала в город его чаще именовали каналом Данияр-бека (Джуйи Дониёр-бек), как и квартал, лежащий у ворот Ходжа Ахрор (рис. 40).

От моста Пули Сафед канал протекал в глубоком овраге, и против цитадели через него был перекинут второй мост — Пули арк, который служил для связи с городом обитателей восемнадцати кварталов, образовавшихся вокруг цитадели, и многочисленных обитателей последней, которые ходили через этот мост, в частности, в баню в квартале Хаммоми арк, получившем от нее свое название. Мост этот в средние века назывался Пули Готифар, как и квартал, лежавший к северу от арка, который в XIX в. носил название Ходжа Юсуф Хамадони по *мазару*, в нем находившемуся. Этот *мазар*, по «Самарии», был в квартале Готифар. Он и послужил ориентиром, по которому оказалось возможным отождествить средневековый квартал Готифар, в «Самарии» — Куйи Готифар, с кварталом Ходжа Юсуф Хамадони [10, с. 180].

На каких дорогах или улицах лежали те или иные ворота Самарканда XIX в., хорошо известно, но точные места их мы не знаем. Ворота исчезли неизученными, как и городская стена, поэтому могут представить интерес те данные, которые удалось получить при этнографическом обследовании города. Иным путем обнаружить остатки или следы стен и ворот в наше время невозможно, так как в процессе роста города эти остатки оказались внутри домовладений.

Больше всего сохранилось остатков северной стены. Они хорошо прослеживаются у ворот Пойи кабок. Сейчас место, где находились ворота, сделалось скучным и унылым, но еще совсем недавно, в 1969 г., сохранялась вся окружавшая ворота природная среда. Перед воротами имелся красивый *хауз*, вокруг которого росли большие величественные деревья. Некоторые из них, вероятно, было уже необходимо срубить, но сделали это так небрежно, что оказались поломанными и другие деревья. Тенистый, прохладный в летний зной уголок, напоминавший старину, превратился в залитый асфальтом маленький плац, посреди которого торчит прозаический водопроводный кран, от *хауза* же осталась небольшая дыра в асфальте.

За воротами Пойи кабок, по гребню возвышенности, на которой помещался город, из до-

мовладения, лежащего вне города, к востоку от ворот, отчетливо видны остатки стены. Такой же кусок стены, тоже на гребне возвышенности, можно увидеть за северо-восточными воротами Дарвозайи Шох, примерно в километре к западу, если идти по так называемой черной дороге, служившей для грузового движения от железнодорожной станции к «старому городу». Этот останец тоже виден из домовладения, находящегося на территории, бывшей вне города.

Примерно посередине между этими двумя пунктами, внутри города, на старой его территории, а не на ее границе, в квартале Кулобод, сохранился небольшой, но очень интересный останец толстой, уже подрытой снизу стены, не больше пяти метров в длину и двух-трех метров в высоту. Теперь вряд ли можно будет еще раз увидеть и изучить этот останец: хозяйка дома, ожидавшая возвращения сына из армии, намеревалась снести стену, чтобы сделать из этой глины кирпичи для постройки отдельной комнаты (рис. 36).

Сравнительно большой останец сохранился в квартале Шакарджиза (средневековый Чокардиза). Стена проходила по границе глубокого оврага и стояла на самом краю его западного склона. В предшествующий моему посещению год она несколько обрушилась от дождей и можно было видеть ее внутреннее устройство: внутри виднелась битая глина и сырцовые кирпичи крупного размера. Возможно, что здесь обнаруживались следы какого-то ремонта стены (рис. 35).

Пару десятилетий назад сохранился еще один кусок восточной стены, находившейся к югу от Каландарханинских ворот и от Пенджикентской улицы, недалеко от моста. Останец оказался внутри домовладения, хозяин которого и сообщил об этом факте. Остатки стены были им скрыты при какой-то перестройке.

Таким образом, восточная стена шла по левому (западному) берегу канала, протекавшего с юга на север. О. Г. Большаков был склонен поставить его в связь со средневековым каналом Чокардиза: «канал Джокардизе должен был быть как-то связан с кладбищем Джокардизе, возможно, он идентичен каналу, протекающему вдоль восточной стены» (старого города). В этом отождествлении он видел «только один слабый пункт» — ему противоречило свидетельство источников, что канал Чокардиза, который подавал воду к акведуку Афросиба, входил через Сузангаронские ворота [6, с. 238]. Но источники совершенно правильно рисуют обстановку: канал, протекавший у восточной стены города, вне его, не имел никакого отношения к кварталу Чокардиза (хотя и находился на одной с ним линии), так как протекал

вне города, по дну глубокого оврага, откуда вода не подавалась и не могла быть подана в город, находившийся на возвышенности, в этом месте значительной.

На плане М. Е. Массона этот канал в соответствии с текстом «Самарии» назван Оби Машхад. Автор «Самарии» поясняет, что «ручей этот носит название Машхад... по той причине, что на берегу его принял мученическую смерть Куссам бин Аббас» [10, с. 166]. О генезисе культа *мазара* Шахи-Зинда уже говорилось выше; тем же культом порождено и название канала Оби Машхад. Поэтому кажется неправильным переносить это название на весь канал, начиная от его истока, который находится «приблизительно в двух милях от Самарканда» [10, с. 166]. Название Оби Машхад он получил только в той своей части, где «протекает у основания городской стены Афросиабова городища» [10, с. 166] и где находится давний ему это название *мазар*.

От южной стены на памяти старожиллов сохранился небольшой кусок к востоку от ворот Сузангарон. Там мне показывали очень старый чинар, который якобы оказался в самой толще стены. Это сообщение делает связь останца с городской стеной сомнительной, хотя чинар и старый (рис. 38). В недалеком прошлом какие-то остатки стены имелись также в домовладении, помещавшемся около ворот Ходжа Ахрор. Там же при ремонте дороги, произведенном не так давно, поперек улицы, выходившей когда-то за Ходжаахрорские ворота, обнаружился нижний брус косяка ворот, успевший уйти в землю. Он находился метрах в десяти от моста через канал, входящий здесь в город. О южной стене свидетельствовали также названия двух пунктов к северу от так называемого Термезского тракта, проложенного до революции. Названия этих пунктов, известных у местного населения как *гаги калъа* — «под крепостной стеной», говорят сами за себя. Стена, видимо, шла севернее Термезского тракта, по краю возвышенности, имевшей здесь вид небольшого обрыва или ската, севернее лежал квартал Зингарон (рис. 39а, б). Таким образом, с севера, востока и юга город отделяло от окружающей местности то, что он лежал на возвышенности, склоны которой были более высокими на севере и востоке, пологими на юге.

Линия западной стены по этнографическим источникам не определяется, так как здесь уже давно нет старого местного населения, которое могло бы сообщить предания. Вокруг цитадели, превращенной колониальными властями в военную крепость, была устроена полоса отчуждения, при этом из 18 кварталов, располагавшихся по левому берегу канала Новадон, остался на месте лишь один — уже упоминав-

шийся Ходжа Юсуф Хамадони, который помещался к северу от цитадели. Сейчас там находится городской стадион. Судя по плану XIX в., городская стена проходила очень близко от стены цитадели, следуя ее ломаной линии. Она должна была идти вдоль Экспланадной улицы, проложенной колониальной администрацией (теперь улица Ахунбабаева). Таким образом, становится ясно, что остатки стен, обнаруженные при строительстве Педагогического института (об этой находке я слышала в свое время от И. И. Умнякова), действительно могли относиться к стене города [11, с. 164; 6, с. 231].

Бухарские ворота стояли примерно на линии Гур-эмира, т. е. у начала бульвара (теперь бульвар им. Максима Горького). От них линия стены шла почти прямо к югу. О месте этих ворот рассказала престарелая таджичка, дом предков которой находился на том месте, где в начале XX в. было построено здание женской гимназии. Она вспоминала рассказ своей бабушки, как та еще девочкой стояла у калитки дома и видела входивших в ворота слонов с очень громоздким грузом, не пролезавшим в ворота и повредившим их. Этот случай настолько запомнился, что передавался в семье на протяжении жизни трех поколений.

После присоединения Средней Азии к России Самарканд значительно изменился. Если кварталы, размещавшиеся на западном берегу канала Новадон, исчезли и «старый город» уменьшился в этом направлении примерно на одну пятую, то остальная его площадь оставалась прежней, в границах старой, давно исчезнувшей стены «тимуровского» Самарканда. Но рядом со «старым» городом, к западу от него, выросла новая часть. Она разместилась на территории пригорода, занимаемого раньше садами и полями. От бывших Бухарских ворот прямо на запад был проложен бульвар, западнее бульвара в черту города постепенно вошли населенные таджиками селения Лолазор, а потом и Нуробод. В этих новых частях города поселились русские семьи. Городская застройка появилась также вдоль дороги, ведущей к железнодорожной станции. Здесь в город вошла территория с местным населением, раньше представлявшая собой сельскую местность; она образовала Багишамальскую часть города, где жили наряду с таджиками и узбеками иранцы, потомки семей, переселенных в XVIII в. из Хорасана и в дальнейшем пополнявшихся за счет прибывавших из Ирана по своему желанию.

Развитие в конце XIX—начале XX в. городской жизни было обусловлено усилением экономического значения города, особенно повысившегося после того, как через Самарканд прошла железная дорога. Сказывались послед-

ствия зарождения в местном обществе капиталистических отношений. Новые части города находились уже за границами городской стены, последняя перестала поддерживаться и скоро исчезла.

Перейдем к рассмотрению древней оборонительной стены, окружавшей сельскую округу Самарканда. Практически, эта стена шла по самой границе с неорошенной степью, служа таким образом и границей оазиса. Это ясно в отношении южной, западной и северной частей — восточная часть стены исчезла. Можно думать, что сохранность южной стены, проходившей по границе степи, вне орошаемой зоны, объясняется этим их положением: степь, как правило, не запахивалась, если же ее запахивали под богару (что в Даргомской степи бывало), то возвышенностей, которыми и были остатки стены, не трогали. Там же, где при расширении площади орошаемых земель стена оказывалась среди полей, она разрушалась и в конце концов исчезала.

Древняя сорокакилометровая стена, окружавшая Самаркандский оазис, среди местного населения, в большинстве таджикского, была известна под названием Девори Киямат — «Стена Дня воскресения мертвых». Историки считают, что эта стена была построена или восстановлена при Абумуслиме, по Якуби — при Харун ар-Рашиде [2, с. 136; 3, с. 201; 4, с. 189; 15, с. 158]. По свидетельству В. Л. Вяткина, в начале XX в. эта стена сохранялась в виде «высокого вала, или ряда длинных холмов», которые «давали возможность проследить общее ее направление». Она шла от западного склона возвышенности Чупаната, параллельно арыку Сиаб, севернее его, до селений Мотрид и Кунудузсуфи (последнее лежало уже за стеной). О том, что «к старой стене» примыкал участок земли в селении Мотрид, свидетельствует документ 1480 г. [28, с. 86]. Стена была видна у бывших военных лагерей, от которых до арыка Оби Машхад «ее можно проследить в виде довольно значительной насыпи». Сад Тимура Боги-шамаль, название которого с ростом города сделалось названием новой его части, находился внутри стены Девори Киямат [9, с. 21; 10, с. 163, 223].

Западная стена спускалась с севера на юг, вдоль канала Даргом, ее линия в отдельных местах восстанавливается по свидетельствам письменных источников. В. В. Бартольд, ссылаясь на Джаннаби, говорит, что древняя стена проходила около селения Димишк и Хишрау. Там ее обследовал В. Л. Вяткин по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в 1903 г. [2, с. 139; 4, с. 189], а М. Е. Массон использует этот ориентир при составлении своего плана [9, с. 44; 14, прил.].

Ценные сведения, тоже подтверждающие этот факт, встретились О. Д. Чехович в грамоте конца XIV в., где описывается участок земли, восточной границей которому служила древняя «стена города Самарканда» (بعض قدیم شهر سمرقند) [27, с. 59, стк. 64—65], восточной же границей участок примыкал к каналу Хишрау.

Южная часть древней стены Девори Киямат прокладывалась, в представлении исследователей, по двум одноименным *мазарам*, из которых один назывался внутренним, а другой — внешним: Ходжа Абди дарун и Ходжа Абди берун [15а, с. 39, 23]. Этот ориентир казался настолько надежным, что О. Г. Большаков считал *мазары* «основными вехами» для определения границ территории, охватываемой стеной Девори Киямат [6, с. 226]. Для того чтобы оставить мазар Абди берун вне стены, на планах М. Е. Массона и О. Г. Большакова стена рисуется с изгибом к северу перед *мазаром* Ходжа Абди берун. Что это неверно, будет видно из дальнейшего.

Исследователи древней стены Самарканда сходятся на том, что «древняя стена... по крайней мере южная ее часть... называлась Кундаланг» [9, с. 21; 4, с. 201]. Это название стены известно с XII в., когда ее упоминает Несефи, автор «Кандий» [2, с. 139, примеч. 6; 9, с. 21]. Упоминается стена Кундаланг и в опубликованном О. Д. Чехович документе XV в., где сказано, что границу сада, находившегося в *махалла* Ходжа Кафшер, составляла Девори Кундаланг [28, с. 190]. Неясно, какой источник использовал В. Л. Вяткин, сообщивший, что селение Ходжа Кафшер «упиралось» в стену Кундаланг [9, с. 21]. Однако если оно и прилегало к древней стене, то эта стена не могла быть стеной Девори Киямат: южнее между селением Ходжа Кафшер и этой стеной лежали селения Кусохо (XV в., см. план М. Е. Массона) и Уташих. Вот эти-то селения действительно «упирались» в Девори Киямат своей южной границей, отделяясь от стены узкой проселочной дорогой. Я прекрасно знаю эти места: в селении Кусохо я прожила несколько лет в ранней молодости и много раз видела остатки стены, хорошо заметные здесь и, как их описывал В. Л. Вяткин, имеющие вид длинных холмов. Селение Ходжа Кафшер лежало к северу от селений Кусохо и Уташих. Оно в самом деле граничило со стеной, но это была другая стена. Документ, изданный О. Д. Чехович, прямо свидетельствует об этом: в нем сказано, что сад, находившийся в селении Ходжа Кафшер, примыкал к стене Девори Кундаланг своей северной стороной [28, с. 190].

Что же это была за стена, расположенная к северу от селения Ходжа Кафшер, в то время

как к югу от него, за селениями Кусохи и Уташих, лежала стена Девори Киямат (рис. 43)?

При собирании материалов во время этнографического обследования Самарканда и его окрестностей (1968—1970) мне посчастливилось натолкнуться на следы стены, охватывавшей не весь оазис, как Девори Киямат, а лишь ближайшие пригороды. На территории лежавшего к юго-западу от «старого города» селения Лолазор, примерно в двух километрах к западу от бывших Бухарских ворот, еще недавно имелись остатки стены, они были скрыты, к сожалению, необследованными только в 1954—1955 г., когда эту территорию отвели под индивидуальную застройку. Сейчас там проложена Севастопольская улица. По рассказам старых жителей селения Лолазор, стена тянулась вдоль бывшего здесь переулочка метров на сорок. Она состояла из пахсовых блоков размером примерно в 40—50 см, в ширину достигала пяти метров (?), в высоту сохранялась метра на два. Мои собеседники еще в детстве, мальчишками, играли, бегая по ней.

Продолжение этой стены прослеживалось неподалеку, чуть северо-западнее, в конце современной улицы Льва Толстого, где раньше была восточная часть селения Нуробод. В находившемся здесь саду русского чиновника Вишневецкого и его соседа, местного таджика, имелись остатки стены, и мне удалось расспросить о ней сына Вишневецкого. По его словам, стена была в высоту не больше метра и тянулась метров на пятнадцать.

В другую сторону, к востоку от селения Лолазор, остатков стены не было, и у населения не сохранилось о ней никаких воспоминаний. Однако там, на расстоянии примерно километра или немного больше от конца бульвара (теперь бульвар им. Максима Горького), находился кишлак со знаменательным названием Девори Кундаланг, в послевоенные годы тоже вошедший в черту города и теперь плотно застроенный. Это название ясно говорит о том, что здесь когда-то была стена и она называлась Девори Кундаланг. К сожалению, не удалось собрать достаточно много сведений среди исконного старого населения этого места. У опрошенных мной жителей селения Девори Кундаланг существовала исламизированная легенда о том, что здесь была стена, которая получила название Кундаланг («Поперечная») якобы потому, что, когда пророку Мухаммеду пришлось скрываться от преследования, она повернулась поперек дороги и преградила путь его врагам. Было записано и другое предание: что стена была построена каким-то знатным лицом, причем не так давно — «после Шахмурад-бека». Ни то, ни другое предание исторически недоуверны. Возможно, при опросах просто не

удалось наткнуться на достаточно сведущего информатора. Нельзя не учитывать, что в течение последних двух столетий, особенно после разрухи XVIII в., часть населения сменилась, что не могло не привести к утрате традиций.

Конечно, одно название селения, совпавшее с названием стены, не могло бы служить достаточно убедительным доказательством. Но оно имеет реальное подтверждение в наличии остатков стены в селениях Лолазор и Нуробод, лежавших на той же линии, что и селение Девори Кундаланг, и это совпадение подтверждает связь названия селения и стены.

Следует сказать, что последняя в юго-западной своей части нанесена на план, вычерченный Яковлевым в 1841 г.: на плане видна слабая линия, уходящая на запад и юго-запад за рамку плана, — видимо, Яковлеву не удалось проследить стену на всем ее протяжении. Надпись на его плане свидетельствует, что эта линия изображает «развалины бывшей стены города Самарканда».

Как же шла дальше к востоку от селения Девори Кундаланг эта линия стены, которую мы с полным основанием, в соответствии с письменными источниками и народными представлениями, можем назвать Девори Кундаланг, в отличие от Девори Киямат? Если провести от селения Девори Кундаланг линию на восток, мы как раз натолкнемся на *мазар* Ходжа Абди дарун и одноименное селение. Видимо, по отношению именно к этой стене, а не к стене Девори Киямат, этот *мазар* и получил свой эпитет «внутренний». Но тогда правомерно предполагать, что и *мазар* Абди берун назван внешним тоже по отношению не к Девори Киямат, а к стене Девори Кундаланг, защищавшей лишь ближайшие пригороды. Замечательно, что нахождение этого *мазара* внутри, а не вне стены Девори Киямат подтверждают и народные представления. Престарелый житель селения Ходжа Абди дарун, по-видимому, из числа потомков этого «святого», хорошо знавший топографию этой части пригородов, в ответ на специальные расспросы прямо сказал, что *мазар* Абди берун, хотя и называется внешним, на самом деле находится внутри территории, охватываемой стеной Девори Киямат. Так как он не имел никакого представления, что в прошлом имелся второй ряд стен, его мнение было лишено всякой предвзятости: он и сам выражал недоумение по поводу того странного, на его взгляд, обстоятельства, что пункт, находившийся внутри стены, назван «внешним».

Если мое предположение правильно, то линию стены Девори Киямат у *мазара* Ходжа Абди берун не нужно рисовать с изгибом к северу — она пройдет плавной линией южнее

этого *мазара*, тогда как стена Девори Кундаланг окажется севернее его.

Как шла стена Кундаланг восточнее *мазара* Ходжа Абди дарун и западнее селений Лолазор и Нуробод, остается неизвестным. Ее название Кундаланг — «Поперечная», может быть, объясняется тем, что она не образовывала вокруг города кольца, а упиралась своими концами в стену Девори Киямат.

М. Е. Массон также слышал, что «к югу от бульвара им. Горького в районе селения Лолазор в топонимике сохранилось название оплывшего вала как стены Дивари Кундаланг» [15, с. 157]. Он предположил, опираясь на свидетельство Курция о Мараканде времен Александра Македонского, что эта стена, «может быть, является остатком внешнего кольца Мараканды» [15, с. 158]. Не имея в своем распоряжении тех данных, которые удалось собрать при этнографическом обследовании города, и не заметив, что эта стена нанесена на план, опубликованный Н. Ханьковым, М. Е. Массон не смог прийти к выводу о наличии двух рядов загородных стен: более древней, видимо, стены Девори Киямат, охватывавшей весь Самаркандский оазис, и Девори Кундаланг, защищавшей лишь ближайшие пригороды, более поздней, судя по ее лучшей сохранности и видимой с поверхности конструкции из отдельных паховых блоков.

Название Кундаланг В. В. Бартольд приводит из монгольского *кундалан* — «шатер», «ханская ставка» и высказывает предположение, что оно, «вероятно, было дано местности, расположенной около стен, уже в могольский период» [3, с. 201]. Однако слово *кундаланг* широко употребляется в живом языке, таджикском и узбекском, в значении «поперечный». Видимо, так и следует понимать название стены Кундаланг (рис. 37), которая действительно проходила поперек оазиса, перерезая его две части: северную, более близкую к городу, и южную, простирающуюся до границ степи, до стены Девори Киямат.

Подведем итог исследования оборонительных стен Самарканда. Обнаружены и описаны следы и остатки городской стены на реальной территории города. Оказалось возможным нанести их на план, а также представить остатки стен в фотографиях. Выяснение местоположения ворот средневекового Самарканда и их связь с направлением дорог, которые от них отходили, позволило предложить новую (может быть, спорную) точку зрения на локализацию одних из ворот Самарканда древнего.

Установлен до сих пор не отмеченный факт, что «тимуровский» Самарканд расположен на довольно значительной возвышенности, которая особенно сильно приподнята над окружающей

местностью в северной своей части и на востоке, где вдоль границы города тянулся довольно глубокий овраг с обрывистыми берегами, причем со стороны города берег был очень высок, с противоположной стороны — гораздо ниже. На юге территория города ограничивалась тоже заметным понижением, под возвышенностью там пролегал так называемый Термезский тракт. Таким образом, городская стена проходила почти везде по гребню возвышенности, что несомненно повышало ее оборонное значение и мощь. Лишь на юго-востоке заметного повышения поверхности по сравнению с окружающей местностью не было, и это оказалось благоприятным моментом: именно здесь в город входили два орошавших его канала. Благодаря тому, что южная часть окрестностей Самарканда имела уклон с юга на север, вода в каналы поступала самотеком, хотя и текла очень медленно.

Исследование оборонительных стен, окружающих самаркандский оазис, позволило выявить наличие помимо известной ранее древней стены Девори Киямат второй стены, видимо более поздней, защищавшей ближайшие пригороды, и установить ее идентичность со стеной Девори Кундаланг. Это название ранее ошибочно относили к южной части стены Девори Киямат. В связи с обнаружением второй стены появилась возможность уточнить некоторые моменты исторической топографии самаркандского оазиса и раскрыть большую сложность его структуры.

Наряду с решением некоторых частных вопросов, касающихся оборонительных сооружений Самарканда, использованные источники позволяют прийти и к некоторым более общим выводам, к которым подводят довольно многочисленные уже исследования по истории среднеазиатских городов, выполненные историками разных специальностей, в том числе этнографами.

Сопоставление фактов, почерпнутых из разных источников, позволяет думать, что размещение поселений на высоком месте, как это выявлено и в отношении Самарканда, в Средней Азии было прочной традицией. Она проявилась и в характере рельефа древнего Самарканда, когда он был еще на возвышенности Афросиаба. Думать, что жизнь там прекратилась, как только монгольские воины разрушили подававший воду свинцовый акведук, и в связи с этим событием (конечно, ухудшившим быт самаркандцев) все же не приходится. Археологические исследования доказали, что на Афросиабе жизнь не прекращалась еще по крайней мере в течение ста лет после монгольского нашествия, а по народному преданию, — до Улугбека. Жители города и после разрушения ак-

ведука, и до того как он был построен, и в то время, когда он действовал, конечно, пользовались и водой, приносимой из Шаба.

Размещение городов, а также селений на возвышенных местах было закономерно. Напомним, что и древняя часть Бухары — *шахристан* — была лишена самотечной воды. Издалека, снизу, приходилось носить воду в Челекскую крепость, как и в доколониальный Сайрам, описанный П. П. Ивановым. Мне не раз приходилось видеть старые, в советское время заброшенные поселения, размещавшиеся на голых безводных холмах очень скученно и тесно. Такой характер поселений был свойствен зимним селениям, в то время как летние находились в низменных, орошаемых местах, рядом с посевными землями или садами. Эти зимние места поселений и обносились оборонительными стенами. Не было каналов, очевидно, и в средневековой самаркандской цитадели, которая по своим размерам могла вместить и, надо думать, вмещала немалое население. Протекавший мимо нее арык Новадон находился в глубоком каньоне, и, конечно, его водой можно было пользоваться, лишь принося ее наверх. Вероятно, для этого применялись кожаные бурдюки (*машик*), как это практиковалось в Бухаре.

Особенно важно накопление фактов, которые могут способствовать лучшему пониманию того, что собой представлял средневековый город в сознании самого населения.

Выше уже было отмечено, что выражение «стена города Самарканда» в документе употреблено в очень широком смысле: стена, о которой шла речь, была стеной не города, а всего Самаркандского оазиса. В большинстве случаев мы такого употребления терминов не встречали: источники называют загородные места *الحايط* *нохия* — «окрестности». Этот термин употребляется и в отношении Бухары («Книга Мулло-зада») и в отношении Самарканда.

Можно было бы думать, что термин *шахар* в цитированном документе употреблен для обозначения пригородов случайно. Однако этнографические материалы свидетельствуют, что это не так, что и здесь мы имеем дело с какой-то глубокой традицией. Как пишет Б. Х. Кармышева, основывая свое положение на многочисленных тщательно собранных фактах, «в Восточной Бухаре, как и в ряде других областей Бухарского ханства, в конце XIX — начале XX в. границы города не были четко обозначены. . . пригородные селения рассматривались как составная часть города, как городские кварталы» [13, с. 40]. Как видим, не только в восточной Бухаре, но и в Самарканде, и не только в конце XIX — начале XX в., но и в XIV в. к городу относили и его пригород, в Самарканде — весь прилегающий оазис.

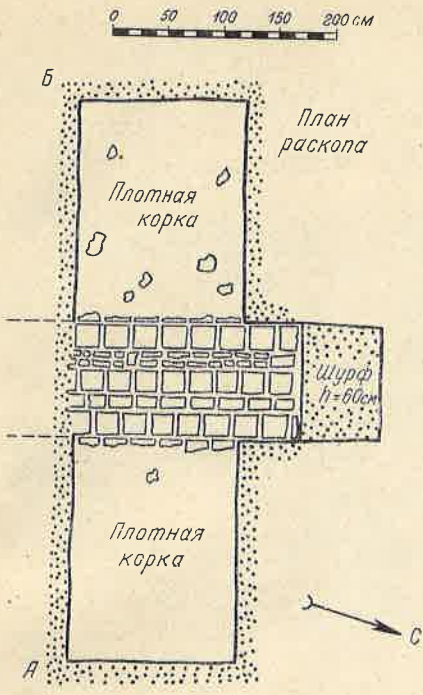
Этнографами выявлена одна особенность городов Средней Азии — совмещение их жителями городских и сельских занятий, нередко связанное с дислокальностью поселения, вследствие чего семья жила попеременно то в городе, то в селении [22, с. 74—76]. Если обнаруженные по разным источникам факты расширительного понимания термина *шахар* рассмотреть в связи с описанной выше традицией, то можно прийти к убеждению, что в условиях Средней Азии отделение города от деревни оставалось неполным. Не в этом ли крылась одна из причин своеобразия исторического развития народов Востока, которая вела к прочности общинных уз, пронизывавших народный быт, к нерасчлененности разных аспектов, в которых эта жизнь осуществлялась, и, в частности, к нечеткости граней между городским и сельским населением, к некоему единству города с его сельской округой, сохранявшемуся даже в начале XX в.

* * *

Уже после того как эта работа была закончена и сдана в печать, появилась статья Э. Ю. Буряковой «Археологические раскопки и наблюдения в рабаде Самарканда» (в кн. «История материальной культуры Узбекистана». Вып. 13. Таш., 1977), где автор приходит к важному выводу о одновременности постройки разных участков стены Девори Киямат и находит, что на двух изученных участках она может быть датирована VIII—X вв., когда стена ремонтировалась. Следуя М. Е. Массону, автор высказывает предположение, что стена Девори Киямат в южной части построена позже Девори Кундаланг. С этим трудно согласиться, принимая во внимание лучшую, видимо, сохранность Девори Кундаланг, хотя она находилась в гораздо менее благоприятных для сохранения условиях, в обжитой зоне, среди возделываемых земель. Стена эта ушла в прошлое неизученной, нет ни одного описания ее остатков, если не считать линии стены, нанесенной на план 1841 г., и свидетельства наших современников, которые видели стену и без раскопок смогли описать ее структуру из пахсовых блоков. Кстати, такая же структура выявлена и Э. Ю. Буряковой при раскопках стены Девори Киямат. Конечно, археологии принадлежит важная роль в датировке древних объектов, в частности стен; пока Девори Кундаланг археологически не изучена.

1. Абрамов М. М. История Самарканда в его микротопонимах. — Этнография имен. М., 1971.
2. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Сочинения. Т. 1. М., 1963.

3. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. — Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
4. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. — Сочинения. Т. 3. М., 1965.
5. Беленицкий А. М. Историческая топография Герата. — Алишер Навои. М.—Л., 1946.
6. Большаков О. Г. Город в конце VIII—начале XIII в.—А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
7. Воронеж Е. Воспоминание о защите Самарканда в 1868 г.—Военный сборник. № 9. [Б. м.], 1872.
8. Вяткин В. Л. Городище Афроснаб. Таш., 1927.
9. Вяткин В. Л. К исторической топографии Самаркандского вилаята. — Справочная книжка Самаркандской области. 12. Самарканд, 1902.
10. Вяткин В. Л. «Самария». — Справочная книжка Самаркандской области. 7. Самарканд, 1899.
11. Гулямов Я. Г., Буряков В. Ф. Об археологических исследованиях на городище Афроснаб в 1967—1968 гг. — Афроснаб. 1. Таш., 1969.
12. История Самарканда. Т. 1. Таш., 1969.
13. Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976.
14. Массон М. Е. Планы Самарканда и его окрестностей второй половины XV в.—ТСАГУ. НС. Вып. 61. 1953, прил.
15. Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда. — ВДИ. 1950, № 4.
- 15а. Массон М. Е. Самаркандский мавзолей, известный под названием Ишратхона. Историко-этнографический очерк. — Ишратхана. Таш., 1958.
16. Пачос М. К. К изучению стен городища Афроснаб. — СА. 1967, № 1.
17. Пачос М. К. Оборонительные сооружения Афроснаба. Автореф. канд. дисс. Таш., 1968.
18. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965.
- 18а. Собиров К. Сведения Хумули о восстановлении Самарканда эмиром Шахмурадом. — Тезисы республиканской конференции молодых ученых Таджикской ССР. Душ., 1977.
19. Сухарева О. А. Ислам в Узбекистане. Таш., 1960.
20. Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Таш., 1958.
21. Сухарева О. А. Очерки по истории городов Средней Азии. — История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
22. Сухарева О. А. Традиция сочетания городских и сельских занятий и формы связей горожан с рынком в Средней Азии конца XIX—начала XX в. — Бартольдовские чтения. 1976. Тезисы. М., 1976.
23. Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.
24. Ханыков Н. Самарканд. — Газ. «Русский инвалид». 1868, № 161.
25. Шишкина Г. В. Северные ворота древнего Самарканда. — История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
26. Черкасов. Защита Самарканда в 1868 г. — Военный сборник. 1870, № 9.
27. Чехович О. Д. Вакфный документ времени Тимура из коллекции Самаркандского музея. — ЭВ. 4. 1951.
28. Чехович О. Д. Самаркандские документы XV в. М., 1974.

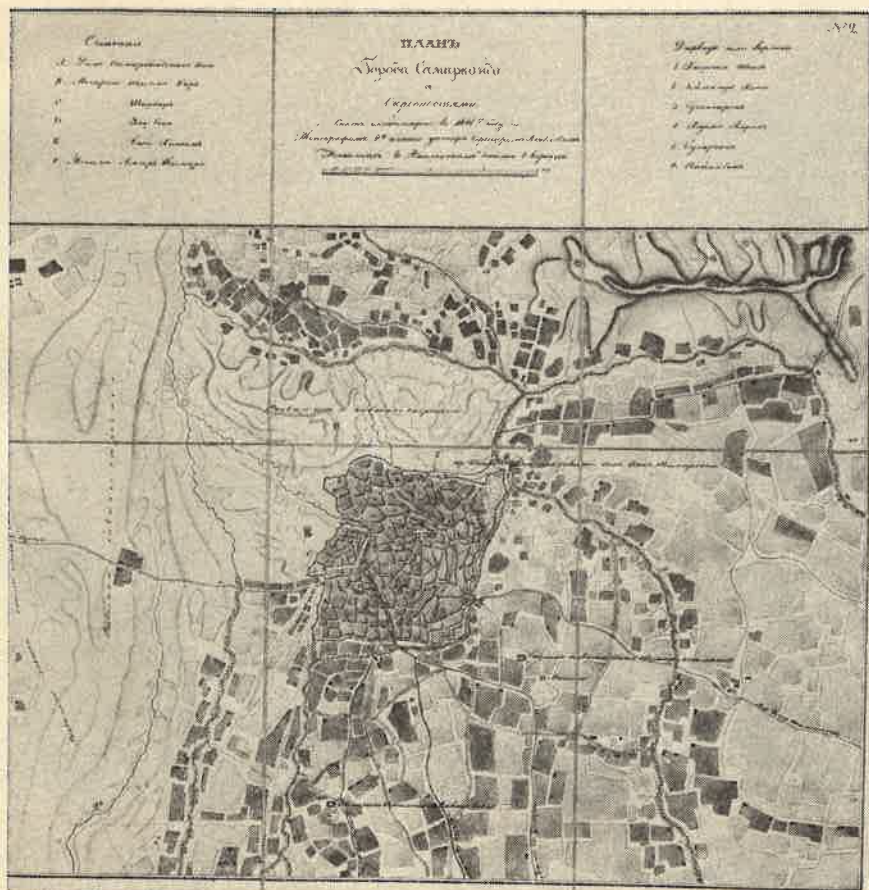
Профиль по линии А-Б

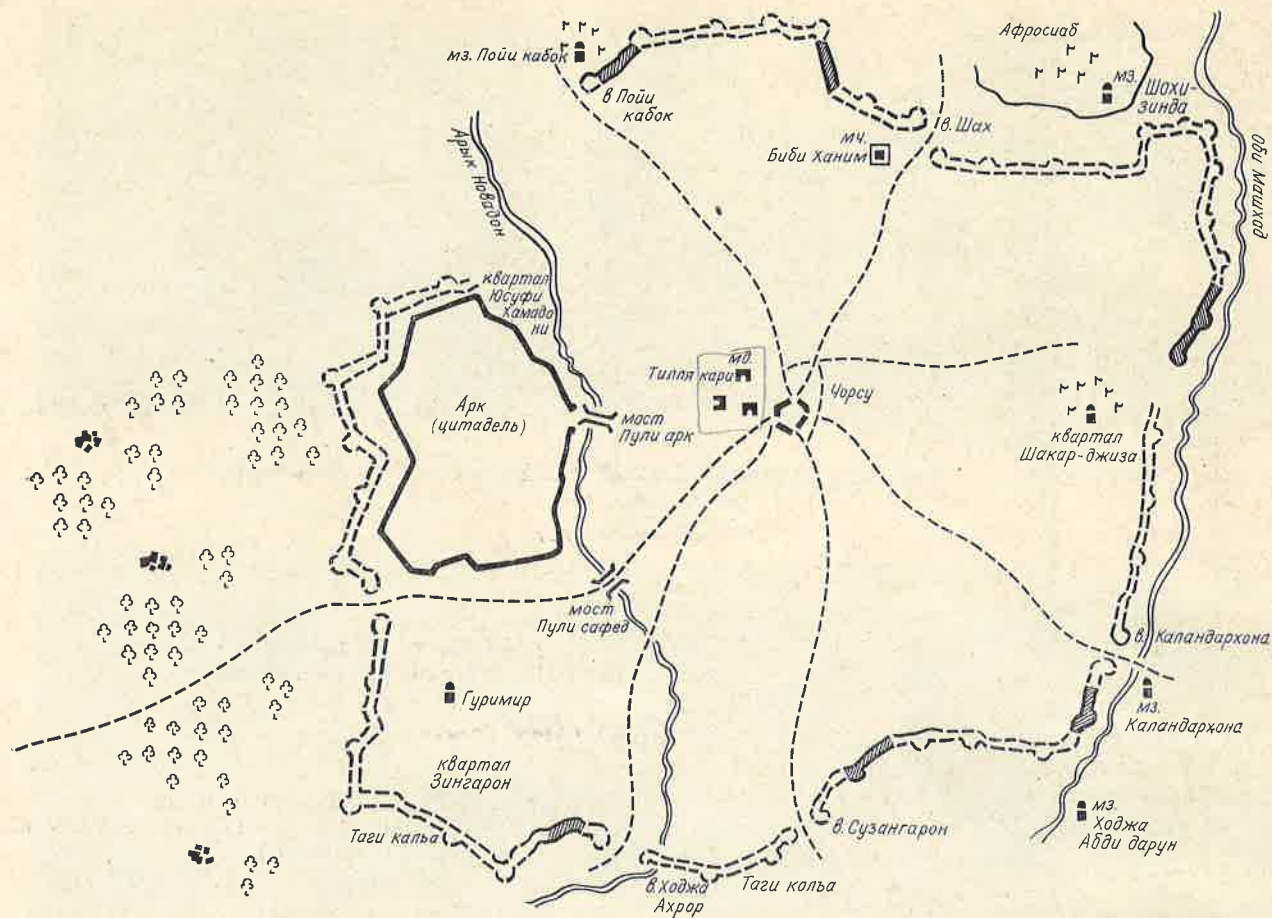
Условные обозначения:

- Раствор
- — Жженный кирпич

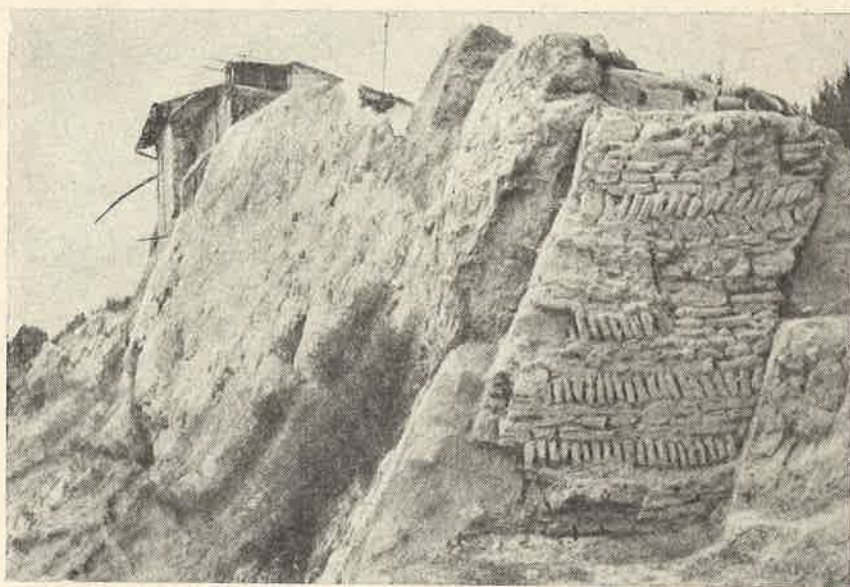
К статье Б. А. Литвинского. Рис. 32. Раскоп водопровода Так-Языра.

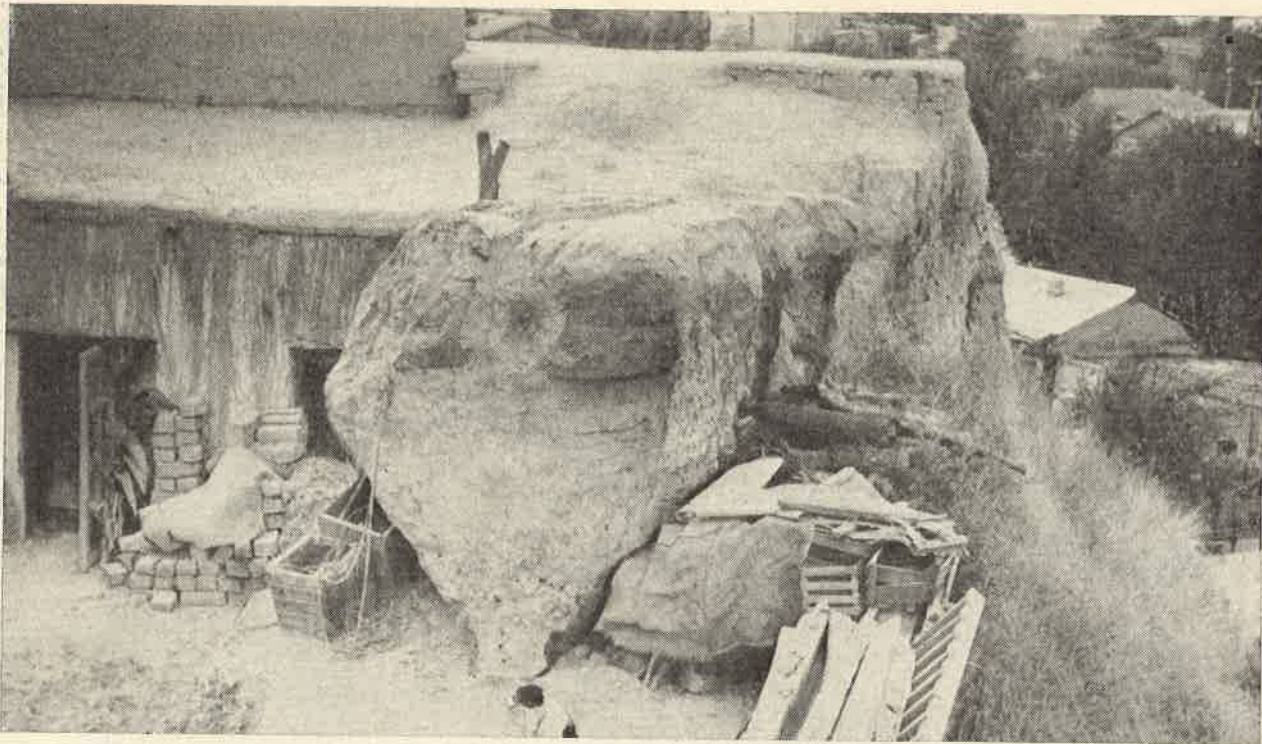
К статье О. А. Сузаревой. Рис. 33. План Самарканда 1841 г. (факсимиле).

К статье О. А. Сузаревой. Рис. 34. Самарканд XIV—XIX вв. (городская стена).

К статье О. А. Сузаревой. Рис. 35. Останец восточной стены в квартале Шакарджиза (Чокарджиза).

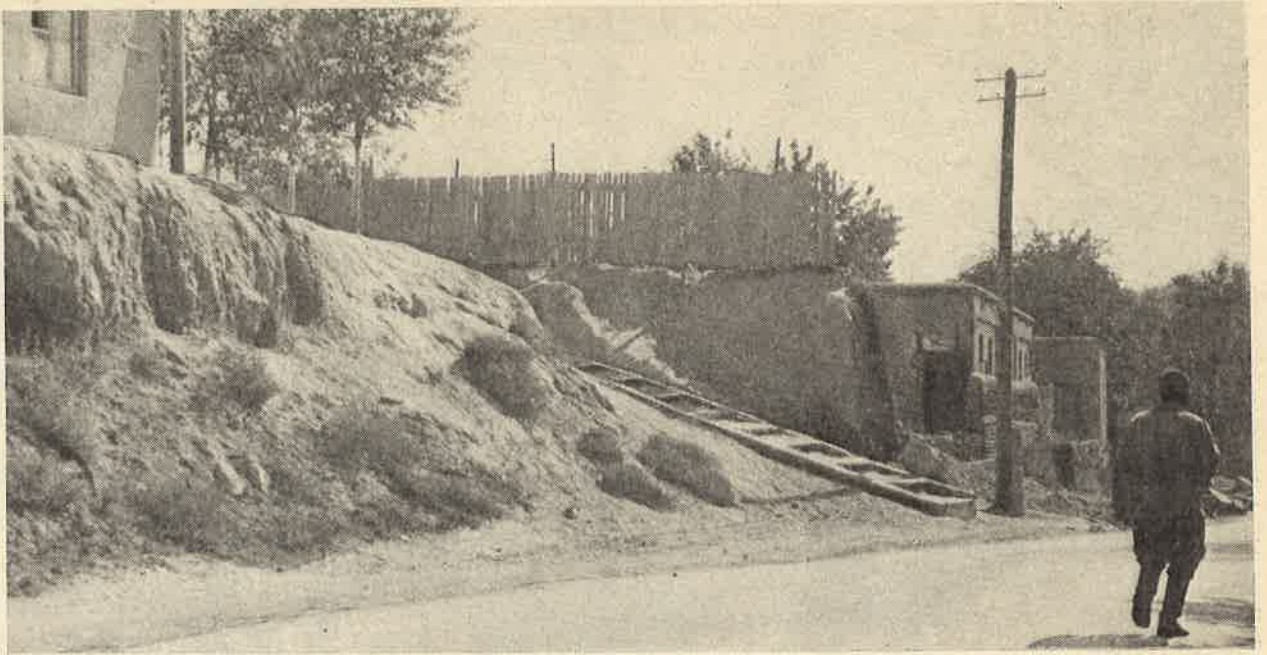
К статье О. А. Сухаревой. Рис. 36. Останец северной стены в квартале Кулобод.

К статье О. А. Сухаревой. Рис. 37. Место южной стены (к северу от «Термезского тракта»).

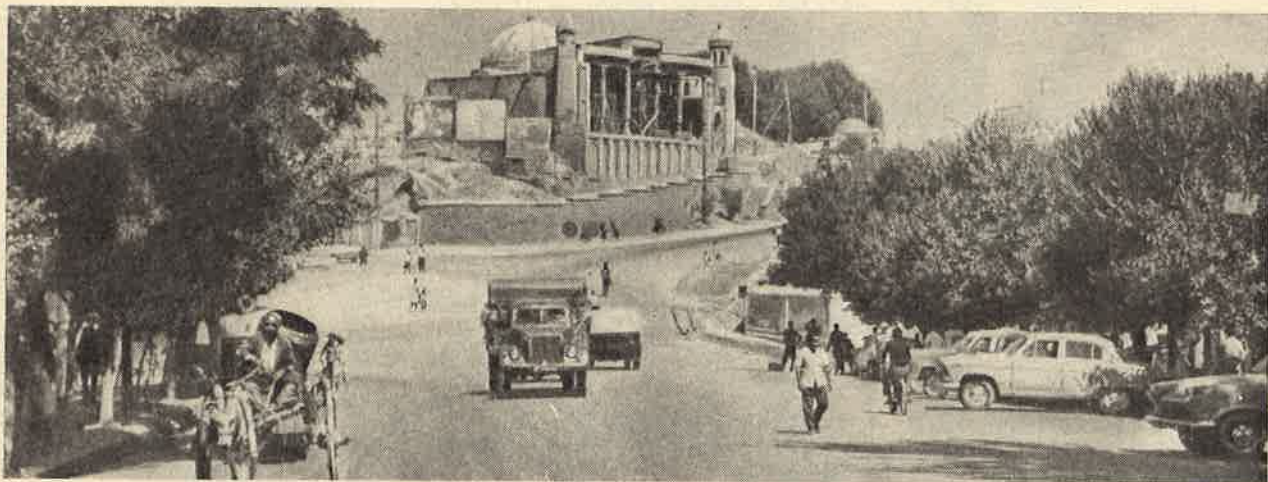
К статье О. А. Сухаревой. Рис. 38. Место южной стены (к востоку от Сузангаранских ворот).

К статье О. А. Сухаревой. Рис. 39 а, б. Место южной стены Таги-кала (к северу от «Термезского тракта»).

К статье О. А. Сухаревой. Рис. 40. Место юго-западных ворот Ходжа Ахрор.

К статье О. А. Сухаревой. Рис. 41. Место северо-восточных ворот — Дарвозайи Шох.

К статье О. А. Сухаревой. Рис. 42. Место северо-западных ворот — Дарвозайи Пой-кабок.